

Ин Юе

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ
В. ПЕЛЕВИНА: ТРАДИЦИИ КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ[©]**

*Фуданьский университет, Шанхай, Китай,
Yingyue2000630@sina.com*

Аннотация. Виктор Пелевин – один из известных русских писателей-постмодернистов. Его произведениям присущи многие отличительные черты постмодернизма, в том числе и интертекстуальность. В данной статье интертекстуальность творчества писателя рассматривается в рамках традиций китайской литературы и культуры. Например, рассказ «СССР Тайшоу Чжуань» по сюжету и структуре имеет тесную связь с новеллой китайского писателя Ли Гунцзо «Нань-кэ Тайшоу Чжуань», роман «Чапаев и Пустота» отражает воззрения на время и пустоту в рамках философии дзен, а роман «Священная книга оборотня» – представления дзен-буддизма о природе и слове. Интертексты китайской литературы и культуры не только придают творчеству Пелевина экзотический и эстетический оттенки, но и способствуют отражению нигилистического мироощущения духовно потерянных русских людей в постсоветском обществе.

Ключевые слова: Виктор Пелевин; интертекстуальность; китайская литература и культура; «СССР Тайшоу Чжуань»; «Чапаев и Пустота»; «Священная книга оборотня».

Получена: 26.01.2022

Принята к печати: 07.06.2022

Ying Yue
Intertextuality in V. Pelevin's writings:
traditions of Chinese literature and culture[©]

*Fudan University, Shanghai, China,
Yingyue2000630@sina.com*

Abstract. Victor Pelevin is one of the most famous Russian postmodern writers. His works are marked by intertextuality and many other prominent features of postmodernism. In this article, the intertextuality of the writer's works is studied within the framework of traditional Chinese literature and culture. For example, the short story *USSR Taishou Zhuan* has a close connection with another short story *Nanke Taishou Zhuan* by Chinese writer Li Gongzuo in terms of plot and structure. The novel *Chapayev and Void* reflects the time and void view of Zen philosophy. Moreover, the novel *The Sacred Book of Werewolf* reflects Zen Buddhism's view of nature and Word. The intertexts of Chinese literature and culture not only impart exotic features and aesthetic values to Pelevin's works, but also contribute to reflecting the nihilistic worldview of the spiritually lost Russian people in post-Soviet society.

Keywords: Viktor Pelevin; intertextuality; Chinese literature and culture; *USSR Taishou Zhuan*; *Chapayev and Void*; *The Sacred Book of Werewolf*.

Received: 26.01.2022

Accepted: 07.06.2022

Введение

Виктор Пелевин является одним из выдающихся писателей-постмодернистов современной русскоязычной литературы. Его произведения обладают типичными постмодернистскими характеристиками, такими как деконструкция, смешивание реального и фантастического планов, а также интертекстуальность. Интертекстуальность занимает особое место: в произведениях Пелевина не только обнаруживаются переключки с литературой и культурой России, но и формируются отсылки к текстам китайской литературы и культуры.

Термин «интертекстуальность» был введен в 1967 г. теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой. По ее мнению, интертекстуальность является общим свойством текстов, в соответствии с которым разные тексты (или их части) могут ссылаться друг на друга: «Всякий текст представляет собой пермутацию дру-

гих текстов, интертекстуальность; в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» [Кристева, 2004, с. 136]. По словам Ролана Барта, «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [цит. по: Ильин, 1999, с. 207]. Таким образом, интертекстуальность является одной из отличительных характеристик постмодернистского текста и часто присутствует в художественном творчестве современных писателей.

«Широко реализован в романах Пелевина постмодернистский принцип интертекстуальности» [Кротова, 2018, с. 107]. Причем писатель часто обращает внимание на традиции культуры и литературы Китая. Еще в 1990-е годы во время работы в журнале «Наука и религия» Пелевин не только читал в русском переводе китайскую философию Лаоцзы и Чжуанцзы, но и сам написал статью под названием «Восточный мистицизм». Неподдельный интерес Пелевина к китайской истории, культуре и литературе вылился в три его поездки в Поднебесную. Новые знания писателя способствовали интертекстуальной связи его творчества с традициями китайской литературы и культуры [На Жэньхуа, 2019, с. 8]. Примерами могут служить такие его произведения, как рассказ «СССР Тайшоу Чжуань», романы «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня». В статье дается анализ интертекстуальной связи этих произведений с традициями китайской литературы и культуры.

Интертекстуальная связь по сюжету и структуре (рассказ «СССР Тайшоу Чжуань» и новелла «Нанькэ Тайшоу Чжуань»)

Рассказ «СССР Тайшоу Чжуань: китайская народная сказка» Пелевин написал и впервые опубликовал в 1991 г. в журнале «Знание – Сила» [Пелевин, 1991]. В 2003 г. рассказ был переведен на английский язык под названием *Tai Shou Chuan USSR (A Chinese Folk Tale)*. Не только название рассказа, но и сами его сюжет и структура имеют прямую связь с новеллой «Нанькэ Тайшоу Чжуань», которую написал китайский писатель эпохи Тан Ли Гунцзо.

Сюжет новеллы Ли Гунцзо рассказывает о сне главного героя Чуньюй Фэня, который, находясь в алкогольном опьянении, попадает в страну Хуайань и женится на принцессе. В течение последующих 20 лет он занимает должность Нанькэ Тайшоу (наместника Нанькэ), пользуясь славой и владея большим богатством, но после поражения в одном из сражений и смерти жены-принцессы теряет доверие императора. Чуньюй Фэнь отправляют в ссылку на родину из-за клеветы лукавых чиновников, плетущих интриги за его спиной. Проснувшись, Чуньюй Фэнь понимает, что страна Хуайань представляет собой муравейник под большой акацией около его дома.

Новелла Ли Гунцзо «Нанькэ Тайшоу Чжуань» тесно связана с социально-культурным контекстом танской династии. Как известно, даосизм в эпоху династии Тан пользовался большой популярностью. Он глубоко проник в духовную жизнь и простых людей, и чиновников того времени. Одна из основных идей даосизма состоит в том, что человек является существом, которое можно разделить на тело и дух. Но только даосский монах в религиозном обряде может испытать отделение духа от тела и вхождение в эмпирей, а обычному человеку такое «духовное путешествие» [Ли Сяо, 2019, с. 88] доступно разве что во сне. При танской династии любили записывать и толковать сны. В таком контексте появилась новелла «Нанькэ Тайшоу Чжуань», в которой Ли Гунцзо растолковал сон чиновника по-своему.

Аналогичный сюжет можно увидеть в рассказе Пелевина «СССР Тайшоу Чжуань». Главный герой, пьяный Чжан Седьмой, спит в своем пустом амбаре. Во сне он попадает в Советский Союз и внезапно превращается в высокопоставленного чиновника и даже верховного лидера страны. Но когда Чжан Седьмой хочет открыть правду о том, что большинства улиц Москвы на самом деле не существует, его снимают с должности и изгоняют. Проснувшись, он обнаруживает, что все это произошло во сне. Несколько лет спустя, после распада СССР, Чжан Седьмой понимает, что Советский Союз был не чем иным, как муравьиной кучей в заброшенном танке, стоящем в его амбаре.

Рассказ «Нанькэ Тайшоу Чжуань» можно разделить на три части: перед сном, во сне, после сна. Повествование «перед сном» ведется о жизненном пути главного героя: его служба в армии, по-

теря должности из-за пьянства. «Во сне» главный герой попадает в страну Хуайань и претерпевает взлеты и падения в карьере. «После сна» он осознает иллюзорность богатства и знатности, начинает исповедовать даосизм и вести аскетический образ жизни.

Трёхчастная структура рассказа Пелевина «СССР Тайшоу Чжуань» повторяет структуру рассказа «Нанькэ Тайшоу Чжуань». «Перед сном» главный герой Чжан Седьмой хочет избежать инспекции председателя «Медного Энгельса» и прячется в амбаре. «Во сне» он попадает в Советский Союз и становится верховным лидером страны, но затем его отстраняют от должности. «После сна» он осознает, что Советский Союз – это всего лишь муравейник в заброшенном танке в амбаре. Не трудно заметить, что оба произведения созданы по структурной линии «реальность – иллюзорность – реальность» с подчеркнуто подробным изображением иллюзорного мира в снах главных героев.

Сюжет и структура обоих произведений основаны на смешении реальности и иллюзии, которое достигнуто с помощью изображения состояния сна. Так, главные герои обоих произведений в самом начале сна пребывают в недоумении, а потом совсем забывают мир реальный и погружаются в иллюзорный. Таким образом, писатели достигают смешения реальности и иллюзии. При этом сны в этих произведениях имеют принципиально разные функции. В реалистической новелле китайского писателя сон отражает реальность феодального общества, где чиновники гонятся за властью и выгодой [Чжоу Чэнмин, 1992, с. 34]. Тем самым автор критикует страстное стремление феодальной интеллигенции к знатности и высокому чину. А сон в рассказе Пелевина проявляет постмодернистские характеристики, такие как абсурдизация и деконструкция. Пелевин в своем рассказе деконструирует мифологию Советского Союза, в котором существовало множество политических и социальных проблем: дефицит продовольствия и предметов первой необходимости, ложная государственная пропаганда, «слабумие» и невежество советских чиновников.

**Интертексты буддийской культуры в романе
«Чапаев и Пустота»: дзенские взгляды
на время и пустоту**

«Чапаев и Пустота» – это третий роман Виктора Пелевина, опубликованный в 1996 г. и ставший сенсацией. Фрагментируя свое повествование, Пелевин изображает растерянность и духовный разлад главного героя Петра Пустоты, который перемещается во времени, меняя роли: поэт-декадент, комиссар в отряде Чапаева в 1919 г., псих в подмосковной психбольнице в 1991 г.

Сам Пелевин характеризует роман «Чапаев и Пустота» как «первое произведение в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте». Трудно не согласиться с мнением критика Александра Гениса, утверждающего, что «Чапаев и Пустота» – это первый в России дзен-буддистский роман [Генис, 1999, с. 232]. Ведь в этом романе обнаруживаются многие элементы буддизма.

Во-первых, в романе проявляется восприятие времени в рамках дзен-буддизма, отличающееся от общепринятого представления, согласно которому время идет в одном направлении и никогда не возвращается, независимо от человеческой воли. На однонаправленной временной линии прошлое сменяется настоящим и будущим, они четко разделены между собой и не смешиваются. Вот почему и китайская, и русская пословицы гласят: не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня. Время гонит человека вперед, и человек теряет свободу и автономию. Однако взгляд на время в рамках философии дзен утверждает, что время может идти и вспять, что прошлое, настоящее и будущее могут быть одним целым. Например, в Алмазной сутре (金剛经) написано, что ни сердце прошлого, ни сердце настоящего, ни сердце будущего не получишь [Ли Мань, 2016, с. 28]. Дзенское восприятие времени помогает человеку освободиться от утилитаризма и достичь духовного состояния свободы.

Временная система романа Пелевина напоминает нам дзен-буддистскую концепцию времени. В предисловии писатель, давая ложную ссылку на слова председателя Буддийского фронта Полного и Окончательного Освобождения, отмечает, что его рукопись была создана «в первой половине двадцатых годов в одном из мо-

настырей Внутренней Монголии» [Пелевин, 1996, с. 7]. Эти строчки заставляют читателей задуматься о том, в каком времени находится главный герой: в 20-х или 90-х годах XX столетия? Где реальность и где иллюзия? Таким образом, Пелевин заимствует буддистскую концепцию времени, т.е. прошлое, настоящее и будущее у него составляют неразделимое целое. При этом временная система романа Пелевина имеет постмодернистский характер. Писатель умышленно создает хаос, спутывая прошлое, настоящее и будущее, и тем самым выражает постмодернистское мироощущение: мир – тотальный хаос, в который человек погружается и оказывается совсем беспомощным. Как утверждает М.Н. Липовецкий, в постмодернистских текстах «возникает горький образ экзистенциального хаоса, перед которым всякое сознание обнаруживает свое бессилие» [Липовецкий, 2006, с. 66].

В романе «Чапаев и Пустота» представлен концепт «пустота», который имеет интертекстуальную связь с китайским дзен-буддизмом. Носителем идеи пустоты в романе является Чапаев. Он сплошными вопросами и софистикой пытается дать Петру понять, что никакой реальности на самом деле не существует, что сам мир является видением человека. Эта идея словно извлечена из буддистского классического текста «Алмазная сутра» (金剛經): «Как на сновидение, иллюзию, отражение пузырей, как на росу и молнию, так следует смотреть на все деятельные “законы”» (一切有为法，如梦幻泡影，如露亦如电，应作如是观) [Алмазная сутра. Ваджраччхедика праджняпарамита сутра, 2022]. Под «дейтельными законами» подразумеваются все созданные ниданами (因緣) – причинами и условиями – явления мира, будь то видимые или невидимые. То есть их возникновение, существование, развитие и исчезновение опираются на определенные причины и условия. Совокупность нидан приводит к возникновению разных явлений, а рассеяние причин и условий приводит к их разрушению. Таким образом, в буддизме все явления на свете оказываются иллюзорными, мимолетными и пустыми.

Мировоззрение Чапаева в романе Пелевина напоминает буддийский взгляд на пустоту, о чем свидетельствуют и его слова: «На самом деле нет ни воска, ни самогона. Нет ничего. И даже этого “нет” тоже нет» [Пелевин, 1996, с. 355]. Это говорит о том, что концепт «пустота» занимает центральное место в мировоззре-

нии пелевинского Чапаева. С его точки зрения, не существует не только материального мира, но и человеческого духовного мира и эмоционального опыта, в том числе и самой пустоты. В этой постмодернистской игре всякие ценности и смыслы отвергнуты коренным образом.

Образ Чапаева напоминает образ Будды, на что писатель много раз намекает в тексте. Например, софистические утверждения Чапаева в романе напоминают философские гимны-четверостишия (偈诗) таких дзен-мастеров, как Хуэйцзэн (慧能). На вопрос Петра «Кто вы?» Чапаев сначала отвечает: «Не знаю», а потом: «Я отблеск лампы на этой бутылке» [Пелевин, 1996, с. 357]. Таких примеров в романе немало. В девятой главе Чапаев рассказывает Петру историю о «глиняном пулемете», который является мизинцем левой руки Будды Анагамы. «Он не тратил времени на объяснения, а просто указывал на вещи мизинцем своей левой руки, и сразу же после этого проявлялась их истинная природа» [Пелевин, 1996, с. 364]. Но на что бы он ни указывал, все исчезает без следа. Это показывает, что все в мире есть ничто и небытие. Чапаев устраняет весь мир глиняным пулеметом и вводит Петра в «условную реку абсолютной любви», сияющую «милостью, счастьем и любовью бесконечной силы» [Пелевин, 1996, с. 367–368]. Данный сюжет совпадает с догматом буддизма, что все в мире в конце концов обращается в пустоту, что сила Буддадхармы безгранична и спасает все сущее.

Но все-таки концепт «пустота» в романе Пелевина отличается от его восприятия дзен-буддизмом. «Пустота» в философии дзен – сложная концепция, в которой понимание природы вещей делится на три этапа. На первом этапе человек способен познавать объективное реальное существование, что можно образно выразить так: «гора есть гора, вода есть вода». На втором этапе человек начинает понимать, что все существование является иллюзией и бесконечно изменяется, что не существует границы между прошлым, будущим и настоящим, и это можно образно выразить следующим образом: «гора – не гора, вода – не вода». А на третьем этапе человек сознает, что «гора – все есть гора, вода – все есть вода». Ведь человек постигает, что суть мира заключается в единстве противоположностей бытия и небытия, в которых пустота и бытие переплетаются друг с другом. Вообще китайский дзен-

буддизм выступает против абсолютного отрицания реальной жизни, подчеркивая, что «закон Будды существует на земле, его надо понять, а не отрывать от него» (佛法在世間，不離世間覺) [Ли Мань, 2019, с. 51].

Пелевин заимствует взгляд философии дзен-буддизма на пустоту, но в то же время переделывает его на постмодернистский лад. Представление о пустоте в пелевинском тексте на самом деле находится только на втором этапе «дзенского восприятия», т.е., «все существование является иллюзией». Как говорит главный герой Петр: «Все на свете – просто водоворот мыслей, и мир вокруг нас делается реальным только потому, что ты становишься этим водоворотом сам» [Пелевин, 1996, с. 352].

Очень интересной деталью в романе является рассказ Чапаева Петьке о сне Чжуан Цзе. Эта деталь заимствована из древней китайской книги «Чжуанцзы» (莊子), название которой происходит от имени великого китайского философа и основоположника даосизма. По китайской легенде философ Чжуанцзы видит сон, в котором он превращается в бабочку, которая свободно и весело порхает по зеленой траве и даже забывает, что она была Чжуанцзы. Проснувшись, философ не понимает, кто кому снился – бабочка ему или он бабочке? Эта легенда намекает на то, что все в мире связано с сознанием, и все, в конце концов, оказывается единым. Чжуанцзы также подчеркивает равенство между человеческим и нечеловеческим мирами, утверждая, что жизнь и смерть на самом деле превращаются друг в друга. Но отношение Чжуанцзы к миру и жизни далеко не пассивно. Он просто призывает вознестись над миром материальным мир духовный и найти в нем убежище.

В пелевинском тексте история о сне Цзе Чжуана рассказана с иронией и юмором. Философ Цзе Чжуан превращается в коммуниста, который не в состоянии «взять в толк, то ли это бабочке приснилось, что она занимается революционной работой, то ли это подпольщик видел сон, в котором он порхал среди цветов» [Пелевин, 1996, с. 248]. Когда его арестовали, он сказал, что он на самом деле бабочка и «вовсе не за коммунистов». «Все, чем занимаются люди, настолько безобразно, что нет никакой разницы, на чьей ты стороне» [Пелевин, 1996, с. 249]. Здесь граница между сном и реальностью полностью стерлась. Таким образом, Пелевин отрицает не только смысл революции, но и смысл жизни. Это пессимисти-

ческое и даже нигилистическое мировоззрение присуще «потерянному поколению» России в переходное время после распада СССР. Как утверждает М.Н. Липовецкий, одной из важнейших характеристик «постмодернистской ситуации» в России является «эффект исчезновения реальности как результат кризиса ценностно-идеологических оснований общества, стремительной инфляции прежних мифов и верований» [Липовецкий, 2006, с. 53].

Нет необходимости перечислять здесь все буддистские элементы, представленные в романе «Чапаев и Пустота»: они, как жемчужины, вставлены в постмодернистскую мозаику, созданную Пелевиным. А взаимодействие с буддистскими текстами придает роману его уникальную эстетическую специфику.

«Священная книга оборотня»: взгляды философии дзен-буддизма на природу и слово

«Священная книга оборотня» – шестой роман Виктора Пелевина, написанный в 2004 г. Это произведение рассказывает о любви между китайской лисой-оборотнем А Хули и русским полковником, волком-оборотнем Сашей. В романе присутствуют две повествовательные линии: открытая линия – о встрече главной героини и главного героя, их влюбленности и разлуке, и скрытая линия – о развитии и углублении мыслей главной героини. В пелевинском тексте содержатся многочисленные отсылки к китайской культуре: китайские персонажи (Чжао Фейянь, Сунь-у-кун, книжник-конфуцианец, даос-заклинатель, китайская философия «инь-ян»), китайские предания о лисице и т.д.

Главная героиня А Хули в романе Пелевина символизирует китайскую культуру. Ее имя «Хули» взято из китайского языка 狐狸 и в переводе означает «лиса». Лиса является распространенным образом во многих китайских преданиях и литературных произведениях, в которых она превращается в молодую красавицу, искушающую мужчин и забирающую их энергию. В романе Пелевина «Священная книга оборотня» А Хули – проститутка в Москве. Используя свой пушистый хвост, она насылает наваждения на мужчин-клиентов, чтобы забрать их энергию и остаться молодой и красивой. А Хули имеет короткую память, поэтому она помнит «только последние десять-двадцать лет, а все, что было раньше,

спит в черной пустоте» [Пелевин, 2004, с. 8]. Из этой пустоты она может при желании извлечь любое воспоминание мучительным усилием воли. Когда А Хули попадает под подозрение ФСБ, она избавляется от неприятностей благодаря помощи молодого полковника, волка-оборотня Саши. Они безумно влюбляются друг в друга. Но потом нежный поцелуй А Хули превращает Сашу в черную собаку. Пострадавший Саша слышит от А Хули легенду о сверхоборотне и осознает себя сверхоборотнем. Но узнав возраст А Хули, Саша не может принять такую большую разницу между ними. В споре с Сашей А Хули постигает самую суть сверхоборотня и исчезает в радужном потоке.

А Хули как представитель китайской (восточной) культуры противостоит Саше как представителю русской (в данном случае западной) культуры. Противостояние отражают различные цели охоты. А Хули охотится на кур с целью включить себя в природу и освежить душу. Благодаря охоте А Хули делается «хищным зверем, свободным от добра и зла» [Пелевин, 2004, с. 181]. Иными словами, достигаются идеальные взаимоотношения между человеком и природой в соответствии с традицией китайской культуры. Древнекитайские мудрецы стремились к «единству человека и неба», т.е. к «гармонии между человеком и природой». Именно в целях достижения духовной свободы и воссоединения с природой охотится А Хули. В конце охоты она отпускает всех кур, что показывает отсутствие у нее утилитарной мотивации. Но Саша не в состоянии этого понять. Он говорит ей: «...не надо этого делать. Никогда»; «...ты не очень хорошо выглядишь. В смысле, когда становишься... Не знаю. В общем, не твое это» [Пелевин, 2004, с. 236]. Видно, что охота А Хули вызывает у Саши чувство отвращения и недоумения.

«Охота» Саши коренным образом отличается от охоты А Хули. Он обычно охотится на севере России, на вершине горы, где ставят череп пестрой коровы. Саша превращается в волка, воет и плачет, прося, чтобы череп дал нефть. По черепу катятся слезы и падают в землю, и из-под земли выливается нефть. И все присутствующие «выли и плакали о себе, о своей ни на что не похожей стране, о жалкой жизни, глупой смерти и заветном полтиннике за баррель» [Пелевин, 2004, с. 253]. А Хули растрогана до слез, но охота не пробуждает в сердце Саши никаких чувств. Ведь он охо-

тится с целью получить нефть. Он даже сам признается А Хули, что он прагматик. Здесь пестрая корова символизирует русскую землю, которая кормит человека. А охота Саши означает, что человек бесконечно берет у природы ресурсы для своей пользы и в то же время остается безразличным к ней. Очевидно, Саша символизирует прагматизм, рационализм западной культуры, в которой отношения между человеком и природой отчуждены и разорваны [Вэй Мэнъян, 2020, с. 144]. Разные виды охоты в романе представляют собой столкновение и противоположность восточных и западных взглядов на природу и жизнь, которые в конце концов приводят к расставанию главных героев.

Концепт «пустота» тоже воплощен в этом романе. Например, в конце романа, когда А Хули вспоминает свою любовь к Саше, она называет свою любовь «счастливой пустотой в сердце». В романе также упоминается, что 1200 лет назад А Хули, влекомая прекрасной мелодией флейты, вошла в монастырь на Желтой горе в Китае и там встретила Желтого Господина, который помог ей осознать свои грехи и подарил ей «Священную книгу оборотня», чтобы она вошла в Радужный поток и стала сверхоборотнем. Диалог между Желтым Господином и А Хули наполнен дзен-буддистским смыслом. Желтый Господин как наставник спрашивает А Хули о ее понимании «Сутры Сердца» и тем самым наводит ее на мысли о спасении и освобождении шести категорий, что связано с буддистским понятием «шесть путей метемпсихоза» (六道轮回). По буддистскому представлению, карма человека зависит от совершенного им добра и зла, и соответственно существуют шесть миров – мир богов, мир демонов, мир людей, мир животных, мир голодных духов и ад [Ян Вейчжун, 2007, с. 44].

Мнение Желтого Господина о слове также связано с идеями дзен-буддизма. Он говорит А Хули, что «чем выше учение, тем меньше слов, на которые оно опирается. Самые совершенные учения обходятся без слов и знаков» [Пелевин, 2004, с. 351]. А Хули потом практикует это учение: когда Саша спрашивает, «что есть истина», она отвечает молчанием. Это полностью соответствует философии дзен-буддизма, согласно которой не нужно письменного текста для восприятия истины (不立文字). Например, в буддистском классическом тексте «Ланкаватара сутра» (楞伽经) написано, что попытки выражать смысл словами, как и показывать пальцем

на луну, часто приводят к тому, что люди видят только палец, а думают, что видят луну. Лучший способ – обойти палец и посмотреть прямо на луну [Ли Мань, 2019, с. 53].

Иными словами, в романе «Священная книга оборотня» Пелевин, опираясь на взгляды дзен-буддизма на природу, карму и слово, рассуждает о вечных проблемах, таких как любовь, добро и зло, моральное самосовершенствование, духовное освобождение и так далее. Философские размышления писателя, вдохновленного китайским культурным наследием, придают его тексту мистическую и фантастическую окраску.

Заключение

Связь творчества Пелевина с текстами китайской литературы и культуры заслуживает внимания и осмысления. Писатель создает свои тексты на основе текстов китайской культуры и философии и с их помощью деконструирует историю и реальность России. В его произведениях проявляется нигилистическое мироощущение потерянного поколения в современном русском обществе и глубокие размышления писателя о духовном спасении русского народа.

Уникальное понимание и толкование китайской культуры и литературы Пелевиным также свидетельствуют о ценностях китайской цивилизации. Широкий спектр интертекстуальных переключек с китайской культурой расширяет эстетический потенциал творчества Пелевина, обогащает его художественные образы и создает экзотическую атмосферу. Читатели, не знакомые с китайской культурой, поначалу, возможно, «блуждают» в постмодернистском лабиринте текста, но по мере погружения в чтение получают удовольствие от необычного художественного мира.

Список литературы

- Алмазная сутра. Ваджрачхедика праджняпарамита сутра / пер. с кит., примечания Е. Торчинова // OUM.RU. Здравый Образ Жизни [электронный ресурс]. – 2022. – 16.02. – URL: <https://www.oum.ru/literature/buddizm/almaznaja-pradzhnparamita-sutra/#track-226558>
- Вэй Мэнъюн [魏梦莹]. Образ Китая в русской литературе Нового времени = 新时期俄罗斯文学中的中国形象: [докторская диссертация]. – Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2020. – 274 с.

- Генис А. Иван Петрович умер : статьи и исследования. – Москва : Новое литературное обозрение, 1999. – 334 с.
- Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США) : концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / ИНИОН РАН ; под ред. Ильина И.П., Цургановой Е.А. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Интрада, 1999. – С. 204–210.
- Кристева Ю. Избранные труды : разрушение поэтики / пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 656 с.
- Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. – Москва : МАКС Пресс, 2018. – 224 с.
- Ли Мань [李满]. Окончательная расшифровка онтологии философии Дзэн = 禅宗存在论之终极解密 // Вестник Наньчанского педагогического института = 南昌师范学院学报. – 2019. – Т. 40, № 1. – Р. 49–54.
- Ли Мань [李满]. Окончательная расшифровка взгляда философии Дзэн на время = 禅宗时间观之终极解密 // Вестник педагогического института Шанграо = 上饶师范学院学报. – 2016. – Т. 36, № 1. – С. 27–43.
- Ли Сяо [李霄]. Теоретическая конструкция и уникальное применение даосизмом образа «сон» = 道教对“梦”意象的理论建构与另类应用 // Академический журнал Лао-цзы = 老子学刊. – 2019. – № 1. – С. 88–95.
- Липовецкий М.Н. Постмодернизм в русской литературе : агрессия симулякров и саморегуляция хаоса // Человек : образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2006. – № 1. – С. 52–82.
- На Жэньхуа [娜仁花]. Об истоках творческих идей современного русского писателя-постмодерниста В. Пелевина = 论当代俄罗斯后现代主义作家维·佩列文创作思想渊源 // Сборник тезисов XII научной конференции аспирантов и II форума докторантов по иностранным языкам и литературе = 第十二届研究生学术研讨会、第二届外国语言文学博士论坛论文集 / Институт иностранных языков Сямэньского университета. – [Сямьнь] : [Сямэньский университет], 2019. – С. 8.
- Пелевин В. Священная книга оборотня. – Москва : Эксмо, 2004. – 384 с.
- Пелевин В. Чапаев и Пустота. – Москва : Вагриус, 1996. – 399 с.
- Пелевин В. СССР Тайшоу Чжуань // Знание – Сила. – 1991. – № 5. – С. 86–89.
- Чжоу Чэнмин [周承铭]. Переоценка идейной ценности «Нанке Тайшоу Чжуань» = 重新评估《南柯太守传》的思想价值 // Вестник восточного Синьцзяна = 东疆学刊. – 1992. – Вып. 3. – С. 34–38.
- Ян Вейчжун [杨维中]. Взгляды буддизма на жизнь, смерть и судьбу = 佛教的生死观与命运观 // Мировая религиозная культура = 世界宗教文化. – 2007. – Вып. 2. – С. 43–45.

References

- Almaznaja sutra. Vadzhrachchhedika pradžhnjaparamita sutra. Retrieved from <https://www.oum.ru/literature/buddizm/almaznaja-pradžhnjaparamita-sutra/#track-226558>
- Wei, M. (2020). *Xin shiqi eluosi wenxuezhong de Zhongguo xingxiang [The image of China in Russian literature of modern age]* (Doctoral dissertation). Harbin: Heilongjiang university.
- Genis, A. (1999). *Ivan Petrovich umer: Stat'i i rassledovanija*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Il'in, I.P. (1999). Intertekstual'nost'. In I.P. Il'in & E.A. Curganova (Eds.), *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoj Evropy i SShA): koncepcii, shkoly, terminy. Jenciklopedicheskij spravochnik* (2th ed, corr., supl.) (pp. 204–210). Moscow: Intrada.
- Kristeva, Ju. (2004). *Izbrannye trudy: Razrushenie pojetiki*. Moscow: ROSSPJeN.
- Krotova, D.V. (2018). *Sovremennaja russkaja literatura. Postmodernizm i neomodernizm*. Moscow: MAKSS Press.
- Li, M. (2019). Chanzong cunzailun zhi zhongji jiemi [The ultimate decryption of Zen ontology]. *Nanchang shifan xueyuan xuebao*, 40(1), 49–54.
- Li, M. (2016). Chanzong shijianguan zhi zhongji jiemi [The ultimate decryption of the Zen view of time]. *Shangrao shifan xueyuan xuebao*, 36(1), 27–32.
- Li, X. (2019). Daojiao dui meng yixiang de lilun jiangou yu linglei yingyong [Taoism's theoretical construction and unique application of “dream” image]. *Laozi xuekan*, 2019(1), 88–95.
- Lipoveckij, M.N. (2006). Postmodernizm v russkoj literature: agressija simuljakrov i samoreguljacija haosa. *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2006(1), 52–82.
- Na, R. (2019). Lun dangdai eluosi houxiandaizhuyi zuojia wei peiliewen chuangzuo sixiang yuanyuan [On the origin of contemporary Russian postmodernist writer Pelevin's writing ideas]. In *Dishier jie yanjiusheng xueshu yantaohui dier jie waiguo yuyan wenxue boshi luntan lunwenji [Proceedings of the 12th Postgraduate Academic Symposium and the 2nd Foreign Language and Literature Doctoral Forum]* (p. 8). Xiamen: School of Foreign Languages, Xiamen University.
- Pelevin, V. (2004). *Svjashhennaja kniga oborotnja*. Moscow: E'ksmo.
- Pelevin, V. (1996). *Chapaev i Pustota*. Moscow: Vagrius.
- Pelevin, V. (1991). SSSR Tajshou Chzhuan'. *Znanie – Sila*, 1991(5), 86–89.
- Zhou, Ch. (1992). Chongxin pinggu nanketaishouzhuan de sixiang jiazhi [Reassess the ideological value of Biography of Nanke Taishou]. *Dongjiang xuekan*, 1992(3), 34–38.
- Yang, W. (2007). Fojiao de shengsiguan yu mingyunguan [Buddhist views on life, death and destiny]. *Shijie zongjiao wenhua*, 2007(2), 43–45.